

© 1996 г.

А.П. БУТЕНКО, Ю.В. КОЛЕСНИЧЕНКО

МЕНТАЛИТЕТ РОССИЯН И ЕВРАЗИЙСТВО: ИХ СУЩНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ

БУТЕНКО Анатолий Павлович - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН. КОЛЕСНИЧЕНКО Юлия Викторовна - кандидат философских наук.

В условиях крушения прежней государственной идеологии и отсутствия новых общезначимых социальных ориентиров политики и обществоведы все чаще стали рассуждать о менталитете россиян и о евразийстве, надеясь на этом пути найти средства для заполнения возникшего вакуума. Однако употребление новых терминов, если за этим не скрывается сколько-нибудь важное для общества содержание, стирает с них блеск новизны, снижает их эвристическую ценность, превращает их в нечто подобное старым истертым монетам, действительное достоинство которых уже едва можно разглядеть. Нельзя утверждать, что с понятиями "менталитет россиян" и "евразийство" уже случилось такое: отсутствие общепринятого социального идеала у граждан современной России нет-нет да и оживит разговоры вокруг них, вдохнет в эти разговоры нечто вроде политического интереса. Но, хотя этот интерес похож на вздымающиеся и затухающие волны, уже не один раз будоражившие общественное сознание, приходится признать, что серьезных работ, раскрывающих сущность менталитета вообще, менталитета россиян в особенности, его связи с евразийством и "русской идеей", с психологией и идеологией граждан России, у нас пока нет.

Можно столкнуться с мнением, согласно которому россияне и американцы имеют чуть ли не совпадающий менталитет, а потому, дескать, внедрение у нас американских принципов хозяйствования, да и их стиля жизни, - достаточно легкое дело. Другие, напротив, заявляют, что как раз менталитет россиян - главное препятствие американизации России, одна из основных причин провала экономических и социально-

политических реформ Ельцина - Гайдара, что и сегодня любые попытки осуществить перемены в России, если они пренебрегают менталитетом россиян, обречены на неудачу.

Остановимся на двух главных вопросах: во-первых, выясним, что такое менталитет, каковы его истоки и структура; во-вторых, что такое евразийство, как оно соотносится с менталитетом россиян и "русской идеей"?

Чтобы не быть голословными, обратимся к "Вопросам философии" - журналу, на страницах которого была изложена состоявшаяся в 1993 г. дискуссия по этим проблемам [1]. Нужно подчеркнуть, что редакция журнала, организовав дискуссию, поставила много разных вопросов: "Что такое ментальность или менталитет - определенные архетипы, коллективное бессознательное или какие-то структуры национального характера? Представляет ли она собой некий инвариант, абсолютно неизменяемый, или это нечто вариативное, гибкое, подвижное? Существует ли единая ментальность для всех этносов, народов и наций России?" Это - исходная, по нашему мнению, наиболее теоретическая часть проблемы. Ею мы и будем заниматься в первую очередь.

Однако есть и более тесно связанные с повседневной практикой и политикой, более прагматичные вопросы. Они тоже были сформулированы в журнале: "Не возникает ли новый миф в разговорах о менталитете? Как ментальность выражается в современных политических, идеологических, духовных движениях? Как она обнаруживает себя в тех разломах, которые сейчас переживает Россия? Совместима ли прежняя российская ментальность с нынешним путем реформ?" Разумеется, есть и другие достаточно острые и практически важные вопросы: как соотносятся менталитет россиян, "русская идея" и идея евразийства? Каков политический смысл современных рассуждений о менталитете?

В ходе дискуссии были предприняты разнообразные попытки раскрыть сущность менталитета: одни подходят к нему с позиций национального логоса (Г.Д. Гачев), считая, что существуют национальные логики (скажем, русская, германская), которые и находят свое проявление в менталитете; другие (И.К. Пантин) опасаются утраты реального содержания проблемы, когда оно подменяется чисто идеологическими, политическими, а порой и просто политиканскими утверждениями, когда менталитет россиян отождествляется с некой априорной системой ценностей. По его мнению, ментальность - это "выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах". И еще: "Менталитет, как мне представляется, это - своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся "коду" в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические... Вот почему я утверждаю, что проблему менталитета можно поставить как чисто идеологическую, а можно как социально-политическую, объясняющую ряд составляющих национально-государственного существования, скажем, России, и объясняемую ими. Не стоит, конечно, преувеличивать научный статус понятия "менталитет" - вводится оно до сих пор достаточно нестрого, слабо обосновано методологически. Но как рабочая гипотеза понятие менталитета нации, думается, имеет право на существование" [1, с. 30].

Если менталитет органически связан с культурой данного народа (а это, видимо, так), то менталитет не может быть безразличным к осуществляемым в России реформам, ибо, как справедливо отмечал А.С. Панарин, "это касается того, что новейшие социальные формы, которые они (наши модернизаторы. - А.Б., Ю.К.) собираются заимствовать - рыночная экономика, парламентская демократия, правовое государство и т.п. не являются культурно нейтральными. Эти структуры только на поверхности выступают как безразличные к менталитету социальные технологии. На самом деле они имеют глубинную социокультурную основу, которую модернизатору предстоит выявить, прежде чем принимать решения о переносе их на почву своей культуры" [1, с. 34]. В этой связи А.С. Панарин пишет: "Вот и сегодня мы видим столкновение

двух начал: смешанной экономики, соответствующей российской хозяйственной многоукладности, и доктринерски строгого проекта, заимствованного у "чикагской школы" как выразителя западной либеральной классики. И подобно вчерашнему доктринерски строгому социализму, не останавливаемому перед разрушением основ народной хозяйственной и культурной жизни, доктринерский экономический либерализм не останавливается перед разрушением основ жизни современного занятого в промышленности городского большинства. Каждый раз происходит отрыв реформационного авангарда от основ национальной культуры и базовых ценностей, что чревато риском тотальной дестабилизации, социально-политической и нравственно-психологической" [1, с. 35-36].

При всей справедливости такого хода мыслей, нам представляется, что приведенная А.С. Панариным аналогия сильно упрощает суть дела, особенно если учесть опыт Отечественной войны, да и другие проблемы.

Многие тезисы, высказанные участниками "круглого стола", представляются нам если не бесспорными, то во всяком случае достаточно ценными для уточнения собственных позиций. Они таковы.

По нашему мнению, менталитет (от английского слова *mentality* - умственно-интеллектуальное состояние) - это вовсе не особый национальный логос и не априорная система ценностей (часть идеологии), а определенное социально-психологическое состояние субъекта - нации, идеологии, народа, его граждан, - запечатлевшее в себе (не "в памяти народа", а в его подсознании) результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания субъекта менталитета. Если бы каждому народу действительно был присущ свой "национальный логос", как пишет об этом Г.Д. Грачев (один - у русских, другой - у немцев), было бы невозможно межнациональное общение, ибо такое общение возможно только при одной структуре мышления, при единой логике изложения мыслей и совпадающей системе построения доказательств. Хотя несомненно и то, что характерные особенности культуры народа, связанные в одних случаях с застойными (на Востоке), а в других - с более динамичными (на Западе) устоями общественной жизни, не могут не сказываться на подсознании, определенном темпе протекания мыслительных процессов, на большей или меньшей степени прочности своих культурных стереотипов. Как раз по этой причине - связи менталитета в первую очередь с психологией, а не с идеологией, как нам представляется, - и нельзя утверждать, как это делает И.К. Пантин, что "проблему менталитета можно поставить как чисто идеологическую", но вполне можно "как социально-историческую, объясняющую ряд составляющих национально-государственного существования, скажем России, и объясняемую ими".

Складываясь, формируясь и вырабатываясь исторически, менталитет в каждый конкретный отрезок истории представляет собой совокупность социально-психологических качеств и черт, сумму детерминируемых ими поведенческих реакций, выступающих как определенная целостность (скажем, менталитет американцев, менталитет китайцев и т.п.), проявляющихся во всех сторонах жизнедеятельности данной человеческой общности и составляющих ее индивидов. Можно утверждать, что нет такой сферы жизнедеятельности нации или ее граждан, где бы не проявлялся присущий им менталитет. Ведь если говорить в общем и целом, то менталитет - это записанный в материальных основах психики определенный поведенческий код, детерминирующий устойчивое социально-психологическое состояние субъекта (человека, нации, народ), это, если можно так выразиться, та органическая целостность социально-психологических качеств и черт, присущих именно этому народу, этой общности и составляющим ее гражданам, которая обуславливает именно такую, а не иную реакцию субъекта менталитета на изменения окружающих условий.

Можно утверждать, что по своей структуре менталитет включает в себя прежде всего *нечто коллективное*, некие структуры национального характера, действующие не проходя через сознание, спонтанно, наподобие определенного *эмоционально-психо-*

логического кода, вызывающего у субъекта менталитета такие, а не иные реакции на внешние воздействия. Это коллективное бессознательное предстает перед исследователем как определенная совокупность если не *черт характера*, то мировоззренческо-психологических установок, превратившихся в принципы и привычки, уже бесспорно проявляющиеся в чертах характера (скажем, терпение, чувство справедливости, рационализм и т.д.), *систему укоренившихся способностей, форм и норм жизнедеятельности*, ряд наиболее глубоко укоренившихся традиций, стереотипов поведения. Таким образом, говоря о менталитете той или иной нации, народа или граждан, мы затрагиваем сложный, многослойный пирог механизмов и способов действия, тесно связанных с многовековой культурой народа, ее обретенными и закрепленными способами реагирования на изменения внешнего мира, определяющими поведение нации или граждан.

Целесообразно рассмотреть и вопрос: как же менталитет, будучи в первую очередь связанным с психологией, взаимодействует с идеологией?

Начнем с прикладной стороны проблемы. Нам представляется, что трудно оспорить А.С. Панарина, когда он говорит о том, что заимствуемые нашими нынешними реформаторами общественные формы только на поверхности выступают как безразличные к менталитету социальные технологии. На деле же это не так, и А.С. Панарин справедливо иронизирует над нетерпеливыми "вестернизаторами" России, напрасно рассчитывающими "поскорее переделать нам менталитет и то и дело сетующих на консерватизм российского массового сознания, сопротивляющегося благонамеренному реформаторству" [1, с. 34]. Очевидно, что такое поведение россиян вполне закономерно; ибо никакая идеология не может рассчитывать на прочный успех у того или иного народа, если она не считается с его менталитетом.

Однако это неприятие россиян сами "капитализаторы" воспринимают по-разному: политики типа В. Новодворской призывают сознательно руководствоваться тем, что "у нас нет народа, заинтересованного в вестернизации страны". А коль так, то необходимо насильственное принуждение, террор. "Нужно, - пишет эта поборница капитализма, - исключить возможность выживания для противников капитализма. Общество выживет за счет здоровой своей части, выживут бизнесмены, несмотря на огромные налоги, выживут и фермеры, если им дать шанс. Они будут строить новую Россию" [2]. А что делать трудящемуся большинству, народу? Ему предлагается "подобно дарвиновской обезьяне, взять в руки палку. Но не для борьбы, а для работы". Однако есть и более "застенчивые" капитализаторы. Так, Андраник Мигранян, член президентского совета, неоднократно писал о том, что современной России необходим авторитаризм как режим, который способен принудить россиян, их сопротивляющееся большинство пойти по капиталистическому пути [3]. Еще более "застенчивую" позицию занимает Игорь Клямкин, недавний соредaktor закрывшейся газеты "Демократическая мысль". Он тоже поборник авторитаризма, но предупреждает, что в условиях разгула преступности и коррупции попытка ввести капитализм насильственно может оказаться губительной для капитализаторов: сила может оказаться в руках левых и повернутой против преступников, коррупционеров и капитализаторов [4].

В рассматриваемом вопросе - менталитет и идеология - достаточно самых разных аспектов. Не последнее место среди них принадлежит и выяснению того, какое место в жизни данного народа занимают социальные идеалы, идеология. Ведь у ряда народов, тем более не достигших высоких ступеней исторического развития, менталитет является более существенным ориентиром в повседневном поведении, чем социальные идеалы. Не так у россиян. Еще Ф.М. Достоевский писал, что для россиян вопрос о том, ради чего жить, имеет первостепенное значение, более важное, чем вопрос о хлебе насущном. В том же духе высказывался и Л.Н. Карсавин. В статье «Восток, Запад, "русская идея"» он утверждал: «Уже неоднократно отмечалось тяготение русского человека к абсолютному. Оно одинаково ясно и на высотах религиозности, и в низинах нигилизма, а именно у нас на Руси не равнодушнога, а воинствующего, не скептического, а религиозного и даже фанатического. "Постепеновцем"

он быть не хочет и не умеет, мечтая о внезапном перевороте. Докажите ему отсутствие абсолютного (только помните, что само отрицание абсолютного он умеет сделать абсолютным, догмой веры) или неосуществимость, даже отдаленность его идеала, и он сразу утратит всякую охоту жить и действовать». Особенно важна следующая мысль Л.Н. Карсавина об этой черте русских: "Ради идеала он готов отказаться от всего, пожертвовать всем; усомнившись в идеале или в его близкой осуществимости, являет образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко всему" [5]. Нет надобности ссылками на сегодняшнюю действительность показывать справедливость этих выводов мыслителя, они очевидны. Отказавшись от социалистического идеала, разуверившись в нем, многие россияне не только в ряде областей явили "образец неслыханного скотоподобия" или "мифического равнодушия ко всему", но и обнаружили свое нежелание принять американизацию России, настойчиво навязываемую им вразрез с их многовековым менталитетом.

Сейчас становится все яснее, что многие трудности, возникшие в ходе осуществления обещанных социально-экономических реформ, проистекают как раз из пренебрежения особенностями индивидуально-общественной психологии россиян, поставленных в условия насильственной адаптации к рыночной экономике, западной модели, слабо учитывающей традиции русской народной жизни, наш образ и стиль жизни. Наш человек с его повседневыми заботами и проблемами, со своими устремлениями и привычками снова оказался отстраненным от участия в решении насущных проблем российского общества.

Из истории хорошо известно, что повышенный интерес общественной мысли (философии, обществоведения, литературы и искусства) к человеческой личности и человеческим общностям - нациям, народностям, народам, как правило, совпадал с переходными, особенно кризисными, периодами общественного развития, то есть с теми историческими переломами, когда гражданин оказывался перед лицом новых резко изменившихся условий, когда менялись привычные стереотипы, менялся и складывался новый стиль жизни. Именно так обстоят дела и сегодня, когда не только рухнули прежние идеалы, но и рассыпались многие многонациональные государства, перестал существовать Советский Союз, и оказались под вопросом не только прежние условия существования, но и связанные с ними общественные ценности и человеческие привычки.

В заключение этой части статьи рассмотрим один из ключевых вопросов - вопрос о причинах, которые, с одной стороны, формируют данный менталитет, а с другой - поддерживают и видоизменяют его. Думаем, что сюда следует отнести три главные причины: расово-этнические качества общности, естественно-географические условия ее существования, а также устойчивые результаты взаимодействия данной общности и условий ее проживания. Попытаемся более конкретно очертить существо и роль этих причин.

Первая система причин - расово-этнические качества общности, то есть природные качества самого субъекта менталитета. Нет надобности доказывать, сколь существенны и многоплановы воздействия природных качеств этноса на его менталитет. Укажем здесь только на два главных направления этого воздействия. Когда говорят о расово-этнических отличиях данной нации и их влиянии на менталитет, то прежде всего подразумевают численность, возраст, темперамент и т.п. Вряд ли можно оспорить то, что, скажем, численность китайской нации иначе воздействует на ее менталитет, чем численность якутов. Сказывается на менталитете и темперамент нации, но особенно - ее возраст, то, на какой ступени этногенеза данная нация находится в данное время [6]. Если принять гумилевскую концепцию, то очевидно, что менталитет нации на акматической фазе не может быть таким же, как на фазе обскурации. Второе направление учета расово-этнических качеств общности, их природного воздействия на менталитет - это учет этнической монолитности данной общности, народа или народности: одно дело, если рассматриваемая общность монолитна в этническом плане, например, немцы, поляки; другое дело, если общность

объединение разных этносов, такое как россияне; третье дело, если это такой конгломерат как американский народ, включающий в себя и местные исторически существовавшие этносы (индейцы), и пришлые этнические группы (переселенцы из Европы и Африки). Здесь как раз и надо ответить на вопрос: "Существует ли единая ментальность для всех этносов, народов и наций России?" По нашему мнению, если существуют россияне как своеобразная органическая и устойчивая общность расово-этнических групп, населяющих Россию, то равным образом существует и менталитет россиян как совокупность устойчивых черт менталитета, присущих всем россиянам.

Другая система причин - естественно-географические условия проживания данной общности. Ведь трудно отрицать, что менталитет общности зависит от того, идет ли речь о суровых условиях холодного климата полярных территорий или о благоприятных условиях, располагающих часто к безделью!

Третья система причин, воздействующих на менталитет, - причины, коренящиеся в устойчивых результатах многовекового взаимодействия данной общности и условий ее проживания. Именно на этой основе складываются устойчивые социально-экономические способы и типы жизнедеятельности (коллективистско-общинный или индивидуалистический, кочевой или оседлый образы жизни; типы цивилизации - "деревянной" или "каменной" и т.п.).

Перейдем ко второму ключевому понятию интересующей нас проблематики - понятию сущности евразийства.

Ни для кого не секрет, что в наше время, когда наблюдается и деидеологизация многих сторон нашей жизни, а вместе с тем, и совершенно неразумный отказ от идеологии как таковой, довольно часты обращения к стародавним понятиям, таким как "евразийство", "русская идея" и другим, способным, по мнению некоторых теоретиков, заполнить идейный вакуум, образовавшийся от произведенных, но не всегда продуманных опустошений. Нетрудно догадаться, что возрождение интереса к ним отражает настойчивый поиск не только слов, терминов, понятий и категорий, но в первую голову концепций, с помощью которых можно было бы лучше осмыслить сегодняшнюю действительность и путь России в лучшее будущее.

Понятие "евразийство" не сегодня появилось в общественно-политическом лексиконе. Не только до Октября 1917 года, но и после к понятию "евразийство" не раз обращались и за рубежом, и в России - единственной стране, расположенной одновременно и в Европе, и в Азии [7]. Однако частое употребление понятия "евразийство" еще не гарантировало от того, что его содержание, место и роль в теории и практике социальной жизни понимались правильно. Нам представляется, что именно сегодня - в связи с тем вниманием, которое общество уделяет проблеме менталитета вообще и менталитета россиян в особенности, возникла возможность с гораздо большей точностью и полнотой, чем прежде, раскрыть смысл этого понятия как одного из ключевых.

В чем действительный смысл "евразийства", каково его содержание, его отношение к "менталитету россиян"?

Когда речь шла о менталитете как таковом и факторах, причинах, определяющих его содержание и изменение, то подчеркивалось, что одним из таких факторов или причин наряду с расово-этническими качествами общности, с природными качествами самого субъекта менталитета являются естественно-географические условия проживания данной общности. У каждого менталитета (как и его субъекта) своя роль того или иного доминирующего фактора, свой комплекс их совместных воздействий, причем в этом комплексе бывают и свои приоритеты. Совершенно очевидно, что если для китайцев ныне первостепенное значение имеет такое расово-этническое качество как огромная их численность, порождающая много специфических проблем, то для россиян

уже не одно столетие первостепенное значение имеет такое их географическое качество как пространственная протяженность территории проживания.

Таким образом, евразийство занимает строго определенное место в теории и практике социальной жизни потому, что оно выступает прежде всего как материально-географическое качество, детерминирующее менталитет россиян. **Евразийство** - объективное качество, присущее только российскому государству и населяющим его гражданам с того времени, когда государство простерлось на двух континентах - в Европе и Азии, с их естественно-географическим и расово-этническим многообразием, что требовало от граждан и правителей учитывать как в мыслях, так и в действиях эту геополитическую и расово-этническую реальность, эту исключительность своего положения и всю совокупность вытекающих из него следствий. Поэтому наряду с евразийством как объективным качеством нужно видеть евразийство и как определенную субъективную форму - идейно-психологическое восприятие и осознание этого объективного качества, как определенную черту менталитета и как определенную идеологию, обусловленные этими объективными обстоятельствами, глубиной их познания и практического учета.

Если несколько пояснить эту общую характеристику, то дело сводится к тому, что населяющие территорию Евразии люди оказываются, таким образом, "обречены" не только на то, чтобы проживать здесь, но и творить историю, быть субъектами и объектами этой социальной истории обоих континентов, творцами их культуры.

Бесспорно и то, что евразийство как объективная и достаточно конкретная совокупность качеств естественно-географических условий жизни россиян многопланово сказывается на всех сторонах их жизнедеятельности: в создании и развитии государственности, в хозяйственных приоритетах и многом другом. Как справедливо отмечает Г. Марченко, эта особая "географичность" условий жизни россиян, это "свойство" среды жизнедеятельности требует и постоянно избыточных по сравнению с западноевропейскими и американскими стандартами трудовых и ресурсных затрат на преодоление расстояний и защиты от низких температур [8]. Это делает недопустимым копирование, скажем, энергетической или транспортной политики стран, не испытывающих подобных трудностей.

Как же ограничить опасность географического детерминизма в объяснении менталитета россиян? Мы считаем, что, используя материальный географический фактор в качестве причины специфических качеств российского менталитета, нужно иметь в виду именно "историческую" первопричину, обуславливающую развитие того или иного качества, но не напрямую порождающую последнее. Таким образом, евразийство выступает в качестве термина для обозначения одного из качеств менталитета россиян: материально-географической компоненты, обуславливающей сам генезис духовного комплекса российского субъекта - общность исторической судьбы населяющих Евразию народов: «Русские представляют собой "особый" этнический тип, на периферии сближающийся как с азиатским, так и с европейским...» [9]. Общность исторической судьбы, такие особые ее вехи как татаро-монгольское нашествие, петровские реформы, отмена крепостного права, Октябрьская революция, явились основными порогами формирования самостоятельного социопсихологического архетипа - менталитета россиян.

Что же обусловило евразийство в менталитете россиян?

Не будет преувеличением сказать, что естественно-географические условия жизни воздействовали на сознание живущих здесь людей как прямо (Ф.А. Степун: "Душа всякого народа похожа на душу того пейзажа, среди которого он живет..." [10]), так и опосредованно, что в своей сумме так или иначе сказывалось на всех сторонах жизнедеятельности.

Возьмем общую характеристику сознания: у одних народов оно отличается большой конкретностью и определенностью, а у других - предельной абстрактностью созерцательностью. Евразийские мыслители (Савицкий, Трубецкой, Карсавин) стремление россиян к абсолютному выводили из естественно-географических условий жизни

из "ландшафтности" сознания. Евразийская территория невидимых и лишь предельно мыслимых границ с психологической неотвратимостью обеспечивает тягу сознания к абсолютному в процессе мышления, к вынуждаемой масштабности и неконкретности, что Л.Н. Карсавин и называл тяготением "русского человека к абсолютному". Необходимость практического "стяжения" географических просторов в единый функционирующий хозяйственный механизм в свою очередь предопределяла принципиально необходимую форму коллективного хозяйствования на территории Евразии - зоны критического, рискованного, а потому требующего коллективных усилий земледелия. Предельно большие государственные величины в сочетании с конечностью и ограниченностью самого индивида вырабатывали тип особой мыслительной архитектуры - мышление большими категориями, за которыми нередко забываются отдельные моменты жизненно необходимой конкретики. Централизация, сплочение вокруг объединяющего начала, общая цель, абсолютизация этой цели как единственно возможного на таких просторах стержня общественных связей, а тем самым и абсолютизация этих связей - составляющие данной архитектуры.

Российский менталитет движим ценностями, продиктованными необходимостью евразийского пространства. Евразийское сознание абсолютизирует в данном вопросе положение и роль личности в российской истории, подчиняя ее той цели, которая на данном историческом этапе выступает идеалом сплочения нации. Когда личность в случае последовательного евразийства *вообще не становится*, целью, заведомо являясь лишь средством в достижении *всегда* абсолютной общественной цели, в российском менталитете не могло укорениться особого понимания самоценности индивида в его соотношении с коллективом.

Было бы неверно не видеть, что менталитет россиян оказался весьма восприимчивым к тем компонентам менталитета других народов, взаимодействующих в прошлом с русскими - порой даже порабощавших их, которые воспитывались в подобных же естественно-географических условиях, что и русские, а потому имели с русскими сходные социально-психологические черты, были "близкими" или даже "родственными" русским по ряду своих качеств.

Это взаимодействие и взаимовлияние в одних случаях приводило к заимствованию россиянами тех или иных социально-психологических качеств других народов, в других случаях обуславливало весьма своеобразное - присущее только россиянам - решение общезначимых цивилизационных проблем, таких как становление и развитие государственности, взаимоотношения общества и индивида, понимание природы демократизма и т.д.

Та естественно-географическая среда, в которой разворачивалась жизнедеятельность не только русских, но и покоривших их татаро-монгольских кочевников, обусловила сходство и возможность определенных исторических заимствований. В этом плане представляют несомненный интерес рассуждения Н. Трубецкого и других евразийцев о наследии Чингисхана и его значении для россиян, для развития социально-психологических качеств их менталитета.

Возьмем к примеру проблемы психологического подчинения индивида коллективу и иерархическое построение общественного управления. Как известно, коллективизм и иерархичность исторических участников империи Чингисхана определили критерий выживаемости индивида в тогдашних социальных условиях. Согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-либо правящую нацию и не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей [11]. Потребность в монотеистическом вероисповедании вообще не укладывалась в монгольскую мировоззренческую схему тех лет. Главным фокусом их парадигмы был не религиозный, как в иных странах Востока и Запада, но государственный фетиш. Ему были подчинены все элементы жизнедеятельности монгольского общества. Монотеизм, как неотъемлемая часть оседлого образа жизни, не вписывался органически в чрезвычайно мобильную жизнь кочевников. Кроме того, монотеистическая религия

типа христианства зовет к совершенно иным целям. Обращение к христианству с необходимостью требует введения дихотомического, диалектического момента в повседневное сознание, заставляет испытывать вершинное напряжение духа лишь в моменты переживания коллизии сущего и должного, в момент напряженной потребности постоянного свободного выбора человеческой совести. Вероятно, именно этот фундаментальный принцип мятежного состояния души при христианском переживании был невозможен в строго схематичном и не терпящем духовного дисбаланса сознании монгольской нации. Не настаивая на строго обязательных выводах, предположим лишь, что "абсолютная веротерпимость" Золотой Орды заложила каноны православной "силы религиозного терпения" к иноверцам и еретикам.

Одна из черт менталитета россиян, связанная с традициями евразийства, резко отличающая их и от европейцев, и от американцев, - свое особое понимание взаимоотношений личности и общества, коллектива.

Как известно, в европейской, да и в американской традиции в этих взаимоотношениях главный акцент делался и делается на индивидуе, приоритет отдается самоценности индивида. Вся европейская история связана с борьбой за индивидуальные права, за свободное правовое выражение личности. Дихотомия индивидуального - общего есть здесь, по-видимому, основная и первая из антитез, кирпичиков европейского менталитета, при постоянном акцентировании момента непримиримости, дихотомичности элементов данной категориальной пары. А сама государственность европейского плана вполне может рассматриваться как специфическое оформление подобной антитезы. Начиная с XIX века, все европейские нации превратились в "исполинских индивидуумов, сражающихся за свои выгоды, свои права и прерогативы. Этому раздираемому распрями Западу идеологи евразийства противопоставляли гармоничный образ Древней Руси" [12, с. 107].

В отличие и даже в противоположность этой черте европейского менталитета, органически связанного с развитием христианства в западных обществах, менталитет россиян складывался и сложился на иных принципах. Личность, характерная для евразийского степного пространства, — это личность, живущая в рамках государственного имперского объединения, следующая принципам "монгольского предопределения" с ярко выраженными психологическими чертами, необходимыми для подобных условий: "Преклоняясь перед велениями своего внутреннего нравственного закона и сознавая уклонение от этого закона как потерю своего лица и своего человеческого достоинства, они непременно религиозны, ибо воспринимают мир как миропорядок, в котором все имеет свое определенное, божественной волей установленное место, связанное с долгом и обязанностью. Когда человек такого психологического типа повинуетя непосредственному начальнику, он повинуетя не ему лично, а ему как части известной божественно установленной иерархической лестницы... Таким образом, человек рассматриваемого типа все время сознает себя частью известной иерархической системы и подчинен в конечном счете не человеку, но Богу" [11]. Автор этих слов Н. Трубецкой, проводивший аналогию между чертами империи Чингисхана и чертами граждан царистской России, писал, что "русским ради самопознания необходимо изучить монголо-туранский (азиатский. -А.Б., Ю.К.) народ России". Важно, что: "В азиатском мышлении как индивидуум, так и окружающий его мир, составляют неразрывное целое, они включены в одну общую, великую правду. Весь азиатский пафос заключается в утверждении той гармонии, которая должна быть и действительно существует между индивидуальным и универсальным" [13]. В Декларации евразийства утверждается: "Евразийцы, исходя из религиозных основ, придают исключительно большое значение понятию и явлению личности. Но личность не воспринимается евразийством в отрыве от соборного целого. Служение общественному делу и должны быть посвящены все ее силы. Из этого служения вытекают и им оправдываются ее права" [14]. Более того, сплошь и рядом подчеркивается недопустимость автономии личности или даже уравнивание ее с обществом. Основа православного мироустройства - не борьба за свои права, вообще не самодовлеющая личность, а

братская любовь и солидарность людей. "Уравнение индивидуума и общества и проистекающие отсюда требования одиночки к обществу ради приобретения все больших прав для себя воспринимались в России как нечто безнравственное. В России государственная власть никогда не отказывалась от прерогативы диктовать нравственные нормы обществу и отдельному человеку: свобода совести в западном смысле всегда была более или менее ущемлена. Приоритет государства в вопросах улаживания коллизий различного масштаба, осуществление действий, направленных на достижение общественной гармонии, сохранился в менталитете послереволюционной России", - утверждает Л. Люкс [12, с. 107]. По мнению этого немецкого мыслителя, и государство здесь видится особым: "Представление о государстве как залоге всеобщей гармонии широко распространено в русском обществе и по сей день, ... вот почему выступления против государства следует принимать не только как протест против государственного вмешательства во все сферы жизни. Очень часто он был вызван тем, что государство не справлялось с этой задачей" [12, с. 108]. Современные евразийцы тоже отмечают, что в российской истории есть весьма примечательная тенденция: доминирование в общественном и личном сознании феномена государства над всеми другими институтами общества [15]. Евразийство наложило неизгладимую печать и на другие, весьма существенные стороны менталитета и мировосприятия россиян. К стати, своеобразное доминирование государства в общественном и личном сознании обусловило и соответствующее обоснование революции, ее оправданности как способа смены неадекватной формы государственности, не выполняющей исторического призвания перед гражданами.

В более широком плане евразийство проявляет себя как в проблеме органического включения народа в процесс природообмена, так и в "горизонтальном", а не "вертикальном" (как в Европе) мировосприятии, где Господь выступает не как стоящий над всеми Господин и Отец, а как снизошедший до простых граждан брат. Сюда же можно отнести и своеобразное не демократически (как на Западе), но *демотически* понимаемое народовластие, которое является феноменом идеально организованного общества уже не как *случайного* набора граждан, монадизированных индивидов, а как связанной единой судьбой суммы исторических поколений. Здесь же и свое - не европейско-американское, а российское - понимание зла, не "западное" поклонение "богатству", а уважение к "достатку" и осуждение богатства как результата бесчестных действий, стяжательства и гордыни, а вместе с ним и свое понимание собственности, которое, в отличие от Рима, Европы и Америки, здесь представляет своеобразную проекцию ментальной соборности на область государственного и хозяйственного строительства.

Одним словом, ментальность россиян, особенно в той части, которая связана с их "евразийством", характеризуется весьма существенными чертами, которые во многом разводят ее с ментальностью не только европейцев, но и американцев.

Рассмотрение проблем менталитета россиян и его особенностей под углом зрения влияния в нем евразийства позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, чем глубже мы познаем природу менталитета, тем очевиднее становится, какая огромная сумма проблем нашей духовной жизни все еще остается слабо исследованной, а кое для кого даже неизвестной. А ведь уже сегодня ясно, что не только весь ход отечественной истории, ее глубочайшие изломы и повороты не могут быть правильно поняты и объяснены без учета ментальности, но и все запутанные противоречия современной духовной жизни, ее литературы и искусства, ее поэзии и музыки нельзя глубоко уразуметь, пренебрегая учетом складывавшегося столетиями и дающего о себе знать сегодня менталитета россиянина.

Во-вторых, менталитет россиян - весьма своеобразное явление, существенно отличающее россиян, прежде всего многими чертами евразийства, не только от аме-

риканцев и европейцев, но даже от многих славян, не исключая украинцев и белорусов. Это с непрекращаемой определенностью уже проявилось во всем ходе истории и все сильнее сказывается сегодня. В наше время, когда россияне переживают очередной перелом в развитии, когда их менталитетом пренебрегают реформаторы, все очевиднее то, что наряду с общей непродуманностью реформ в России, пренебрежение менталитетом россиян - одно из обстоятельств, чреватое весьма тяжелыми последствиями как для судеб реформ в России, так и для политической карьеры самих реформаторов.

В-третьих, становится все очевиднее, что российские реформаторы конца XX столетия, поверившие в то, что со своим уровнем компетентности, не позволяющим им понимать природу менталитета россиян, они способны преобразовать и обновить Россию, заблуждаются столь же глубоко, как российские революционеры начала нашего века.

Россия стоит перед альтернативой: или ее политическая элита, желая добра своей стране и своему народу, найдет в себе силы выдвинуть лидера, способного осознать суть менталитета россиян и следовать его требованиям в своих действиях, или ее лидеры, холуяствуя и копируя чужое, поставят наше общество перед расколом и взрывом, а себя приведут к утрате политического влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская ментальность // *Вопр. философии*. 1994. № 1. С. 25-53.
2. Смена. 1994. 17 дек.
3. *Миграции А.* Авторитарный режим в России // *Независимая газ.* 1995. 4 нояб.
4. *Клямкин И.* Тэтчер, Пиночет или Андропов? // *Известия*. 1993. 4 нояб.
5. См.: *Русская идея*. М.: Республика, 1992. С. 322.
6. См.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М., 1994.
7. См.: *Исход к Востоку: предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев*. Кн. I. София, 1921
Очиров Т.И. Историческая концепция евразийства // *Реферативный журн. ИНИОН. Сер. "Философские науки"*. 1993. № 2; *Пащенко В.Я.* Евразийцы и мы // *Вестн. МГУ. Сер. "Социально-политические исследования"*. 1993. №№ 3,4; *Урханов Р.А.* Евразийство как идейно-политическое течение в русской культуре XX века. М., 1992; *Горяев А.Г.* Евразийство как явление культуры России: историко-философский аспект; *Колсннченко Ю.В.* Концепция личности в философии евразийства. М., 1994.
8. *Марченко Г.* Какую Россию мы обретаем? // Октябрь. 1995. № 2. С. 15.
9. *Евразийство*. Париж. 1926. С. 60.
10. *Степун Ф.* Мысли о России // *Новый мир*. 1991. № 6. С. 202.
11. *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана // *Вестн. МГУ. Сер. "Социально-политические исследования"*. 1991 № 4. С. 40.
12. *Люкс Л.* Евразийство // *Вопр. философии*. 1993. № 6.
13. *Трубецкой Н.* О туранском элементе в русской культуре // *Вестн. МГУ. Сер. "Социально-политических исследования"*. 1990. J* 6. С. 60-68.
14. *Евразийство. Декларация, Формулировка, Тезис*. Берлин: Издательство евразийцев, 1926. С. 3.
15. *Султанов Ш.* Дух евразийца // *Наш современник*. 1992. № 7. С. 143.